

К истории неосуществленных совместных проектов Всеволода Мейерхольда и Сергея Прокофьева*

Эпизод 1

Творческие и личные отношения между Прокофьевым и Мейерхольдом хорошо документированы и изучены. Их совместные проекты, ни один из которых не был завершён в результате различных, зачастую драматических, а то и трагических обстоятельств, известны и подробно описаны: оперы «Любовь к трём апельсинам», «Игрок» и «Семён Котко», балет «Стальной скок», драматические спектакли «Клоп» и «Удел человеческий», наконец, Всесоюзный парад физкультурников 1939-го г.

Осенью 1933 г. Мейерхольд приехал в Париж проездом из Виши, где находился на лечении. 25 сентября Илья Эренбург отправил ему письмо:

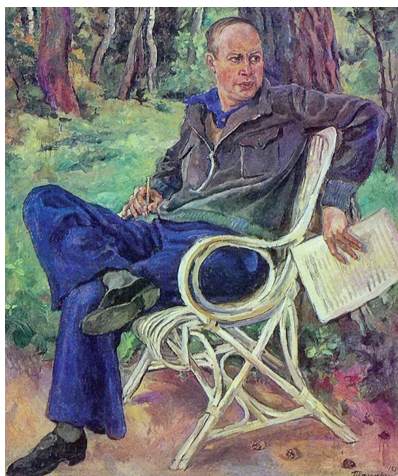
*Дорогой ВЭ,
я говорил Мальро о возможности того, что Вы займетесь его Condition humaine (Китай). Он был очень рад, т. к. знает Ваш театр и ценит его. М. б. Вы успеете еще повидаться с ним до отъезда? Позвоните мне. Когда мы увидимся?!*

Роман Андре Мальро (1901–1976) *La Condition Humaine* с января по июнь 1933-го публиковался в видном литературном журнале *La Nouvelle Revue Française* (издательства NRF-Gallimard), но сам Мейерхольд оценить книгу в оригинале, конечно, не смог бы. О парижской литературной сенсации он скорее всего узнал как раз от Эренбурга, который сразу по завершении публикации весьма прозорливо начал продвигать имя Мальро в первые ряды советской «табели о рангах» современной западной литературы. Гонкуровская премия была присуждена книге лишь в конце года. Но еще до этого события статья Эренбурга «Андрэ Мальро», опубликованная в июне 1933 г. в цикле статей о современной Франции в «Литературной газете»², сыграла огромную роль в популяризации творчества молодого писателя в СССР и была высоко оценена им самим. А 8 декабря Эренбург опубликовал в «Известиях» информацию о присвоении роману Мальро почетной премии, дополнявшуюся важной новостью советской культурной жизни:

Этот роман – одно из лучших достижений революционной литературы. Консервативная академия Гонкуров была принуждена признать художественную мощь и правду писателя, связавшего свою судьбу с судьбой пролетариата. <...> В настоящее время Мальро работает совместно с Мейерхольдом над инсценировкой «Условий человеческого существования» для московского театра им. Мейерхольда³.

Эренбург водил знакомство с Мальро с 1921 г. и возобновил его в 1932-м на приеме по поводу приезда в Париж Евгения Замятина. В библиотеке Эренбурга сохранился экземпляр *La Condition Humaine*

* Статья написана на дополненных и переработанных материалах глав монографии: *Раку Марина*. Время Сергея Прокофьева. Драматический театр: музыка, люди, спектакли, замыслы. М.: Слово/Slovo, 2022.

П.П. Кончаловский.
Портрет С.С. Прокофьева. 1934.
Фрагмент

с дарственной надписью автора, помеченной 1933-м г.⁴. В свою очередь к 1930-му восстановились отношения Мейерхольда и Эренбурга, прерванные в 1924 г. из-за протеста Эренбурга против инсценировки романа «Трест Д.Е.», осуществленной без его ведома. Во время парижских гастролей ГосТИМа на спектакле «Ревизор» Эренбург пришел за кулисы, и примирение состоялось.

Таким образом, можно предположить, что сама идея обращения к роману Мальро была инспирирована Эренбургом с его широчайшей литературной осведомленностью и несомненным вкусом. Организованная им встреча французского писателя с советским режиссером вряд ли вообще могла состояться без него – для подобного знакомства нужен был не только посредник, но и переводчик. Беатрис Пикон-Валлен убеждена: «Они безусловно встретились...»⁵. Об этом свидетельствует тот факт, что уже в начале ноября Мейерхольд обнародовал планы постановки романа Мальро, на что указывает Наталия Савкина: «Впервые Мейерхольд назвал “Условия человеческого существования” никому не известного А. Мальро на партийной чистке в его театре в начале ноября 1933 г. Партчистки проходили тогда во всех ячейках предприятий искусств. Газета “Советское искусство” их добросовестно отражала. <...> В той же газете от 2 ноября 1933 г. № 50 (157) в статье под названием “Мейерхольд на чистке” среди планов режиссера названы “...пьеса французского радикального писателя Андре Мальро о коммунистическом движении в Китае и новая пьеса Безыменского”. <...>. Статья в “Советском искусстве”

сообщает также, что инсценировку романа совместно с Мейерхольдом делает автор»⁶.

Безыменский пьесу так и не написал, а вот работа над инсценировкой Мальро была начата. Уже в начале ноября режиссер подключил к ней гастролировавшего в СССР Сергея Прокофьева. Именно перед упомянутым выступлением Мейерхольда – 30 октября – Зинаида Райх отправила композитору, приехавшему в Москву, примечательное письмо, характеризующее ситуацию в театре:

Дорогой Сергей Сергеевич!

Мы сейчас совсем вне «светской» жизни, ибо с 27 в нашем театре началась «чистка», что создает особую атмосферу.

Даже такие безгрешные праведники вроде моего возлюбленного – Всеволода вышибаются из ритма рабочей жизни и начинают волноваться. В основе этого волнения лежит, конечно, боязнь потерять в своей авторитетности какие-то любимые звенья. Тем более, что эта чистка имеет целью проверки коммунистов в их практической работе на производстве. Кроме того, Мейерхольд, как всегда еще имеет «стан врагов!» – Какими они дальнобойными и танками вооружены – неизвестно! –

— Посему мы замкнулись в этом только интересе и даже не пошли на Ваш концерт и не зовем Вас к себе ни в гости, ни «попросту без затей».

*Но зная уже Ваше нежное сердце под суровой оболочкой – я знаю Вы нас **поймете** и **простите**.*

Буду звонить Вам 31 вечером или 1 утром.

Всеволод Вас целует, я приветствую!

Зинаида Райх-Мейерхольд.

[Приписка на полях:] Завтра 31 – чистка, наконец, самого мастера Мейерхольда⁷.

Как станет ясно из дальнейшего, телефонный разговор «31 вечером или 1 утром» с композитором имел своим продолжением проект совместной работы Мейерхольда и Прокофьева над инсценировкой романа Мальро.

Имя французского писателя оказывалось определенным козырем в игре Мейерхольда против «стана врагов». И его использование в этом качестве стало возможным именно благодаря тому, что оно в этот момент усиленно рекламировалось в советской прессе – как видим, он отнюдь не был «никому не известным». Напротив, интерес к фигуре представителя «левой» западной интеллигенции в СССР к этому моменту был

очень велик⁸. Уже в 1933 г. небольшой фрагмент из книги *La Condition Humaine* в переводе Н. Габинского появился в журнале «Интернациональная литература»⁹. В предисловии к этой публикации о писателе говорилось в превосходных тонах:

*Андрэ Мальро, автор «Победителей» и «Королевского пути» показал себя одним из наиболее своеобразных и даровитых писателей молодого поколения*¹⁰.

Попытки переводов предпринимались и позже¹¹. Весной 1934 г. в журнале «Знамя» был опубликован небольшой отрывок, открывавшийся предисловием: «<...> Андрэ Мальро – один из талантливейших писателей современного Запада <...>»¹². Его автор – искусствовед Тихон Сорокин, бывший товарищ Эренбурга по парижской эмиграции, ставший мужем первой жены писателя, переводчицы Екатерины Шмидт, а также прототипом одного из главных героев романа «Хулио Хуренито». Сорокин выполнял заказ, не владея уверенно ремеслом перевода, и вне всякого сомнения, прибегал к советам Е. Шмидт.

Итак, Мальро в художественных кругах СССР стал персоной, с нетерпением ожидаемой. Получение Гонкуровской премии закрепило за писателем репутацию новой звезды французской литературы. Встреча российской общественности с Мальро, состоявшаяся на Первом съезде советских писателей в августе 1934 г., готовилась загодя. Именно Илья Эренбург, «неутомимый франко-советский связной»¹³ выступил инициатором его приглашения. Приезд Мальро сыграл роль литературной сенсации. А выступление на съезде произвело огромное впечатление. Смысл сказанного даже и в переводе для многих делегатов остался туманным, но красота речи и темперамент докладчика буквально гипнотизировали.

Уже в Ленинграде в июле 1934-го (во время своей первой остановки в СССР) Мальро получил предложение о публикации романа *La Condition Humaine* от ленинградского издательства «Время». Писатель ответил согласием. В газете «Литературный Ленинград» появилась заметка, анонсировавшая будущее издание его книги¹⁴. Работу должен был сделать один из лучших переводчиков своего поколения Адриан Франковский. Приехав в Москву, писатель дал согласие на публикацию романа в журнале «Молодая гвардия»¹⁵.

В Москве планы экранизации романа начал обсуждать с Мальро Сергей Эйзенштейн. Знакомство с писателем, описанное самим

З.Н. Райх и В.Э. Мейерхольд за границей. 1930-е

режиссером, произошло в Париже весной 1930-го¹⁶. Договор от 8 августа 1934 г. был заключен Мальро со студией «Межрабпомфильм». Однако, вопреки устойчиво бытующей до сих пор версии, в нем Эйзенштейн числился не режиссером, а консультантом по созданию «чисто производственного сценария, готового к пуску в производство»: фильм же должен был снимать молодой дебютант Альберт Гендельштейн¹⁷. В конце лета 1934 г. в Крыму Эйзенштейн и Мальро засели за написание сценария.

Как известно, фильм не был снят. Не был выполнен и договор с ленинградским издательством «Время», так как вскоре его слили с Государственным издательством художественной литературы (ГИХЛ). Все же в 1934 году перевод был осуществлен уже для ГИХЛ другой известной переводчицей французской литературы Ниной Бернер-Яковлевой¹⁸, а в 1936 г. верстка с внесенными правками находилась на предпечатной подготовке в технической редакции издательства¹⁹. К ней даже было написано редакторское предисловие. Обстоятельства, по которым книга тогда не вышла, неясны.

И все же в 1935 г. роман был напечатан в журнале «Молодая гвардия»²⁰. Этот перевод под названием «Условия человеческого существования» остался единственной полной публикацией книги Мальро на русском языке. Его осуществил художественный и литературный

Андре Мальро

критик Сергей Ромов. Новые издания *La Condition Humaine* на русском языке не появились вплоть до нашего времени – лишь в 1980-х отрывок из шестой части (эпизоды в тюрьме) был воспроизведен в сборнике фрагментов избранных художественно-публицистических сочинений писателя в переводе Ирины Кузнецовой под названием «Удел человеческий»²¹. Журнал же «Молодая гвардия» 1935 года с текстом перевода Ромова к нашему времени стал библиографической редкостью. Все это сделало знаменитый роман Мальро, входящий сегодня в различные списки шедевров мировой литературы (от ста до десяти, но почти неизменно в десятку или пятерку!), практически недоступным для русского читателя.

Мало известно и о небезынтересной персоне его переводчика – Сергея Ромова (Соломоне Роффмане, 1883–1939). Французский язык он совершенствовал в годы парижской эмиграции. В 1920-м в издательстве *Cible* впервые на французском языке вышла в его переводе поэма А. Блока «Двенадцать» (с рисунками Михаила Ларионова). В качестве искусствоведа Serge Romoff стал заметным деятелем французского авангарда. В переписке 1925 г. Эренбург характеризует его как человека с «огромными» связями²². Круг общения Ромова был, по-видимому, весьма широк. Так, именно он организовывал прием в честь прибытия Маяковского в Париж в 1922 г. Вернувшись в СССР в начале 1930-х, Ромов продолжил активную пропаганду дадаизма и сюрреализма, которой, конечно же, отведен был короткий срок.

Итак, в распоряжении Мейерхольда оказался лишь один полный изданный перевод романа, который он собирался инсценировать. С Ромовым он был знаком: в 1920-х тот хвалебно отзывался во французской прессе о спектаклях ГосТИМа²³, подготавливая тем самым общественное мнение к приезду театра. В Москве же, по приглашению режиссера, посещал его постановки. Руководитель театра проявлял особую предупредительность к парижскому журналисту с «огромными связями»:

Уважаемый Сергей Матвеевич,

в любой день, когда идет «Командарм 2», приходите в театр (спросите в кассе, дано распоряжение), и Вас посадят хорошо.

И на другие спектакли «Милости просим».

В день спектакля все же позвоните мне 3-04-11.

Во избежание недоразумения еще раз сообщу в кассу о Вас, напомяну.

Я Вас на премьеру включил в список приглашенных.

Не знаю, что случилось, что Вы не получили приглашение.

Удручен. Надо повидаться.

С приветом В. Мейерхольд²⁴.

Зная самого Ромова, Мейерхольд не мог не познакомиться с его работой над Мальро. Во-первых, он обычно досконально готовился к постановкам, прибегая к услугам своих театральных помощников, собиравших материалы на заданную тему. Во-вторых, не владел свободно французским – следовательно, должен был воспользоваться единственной возможностью оценить этот текст. В-третьих, косвенным свидетельством его ознакомления с изданной по-русски книгой Мальро является интерес к переводу так и не изданному – подготовленному Н. Бернер-Яковлевой для ГИХЛ: в бумагах тогдашнего литературного помощника Мейерхольда Александра Gladкова сохранилось письмо Мейерхольда в ГИХЛ с просьбой о получении контрольного экземпляра русского перевода романа А. Мальро «Условия человеческого существования» от 19 августа 1935 г.²⁵

Архивы сохранили любопытный эпизод: сразу вслед за выходом версии С. Ромова в 1935 г. в Союзе писателей рассматривалось «конфликтное дело Н.Г. Бернер-Яковлевой и С.М. Ромова о переводе А. Мальро «Условия человеческого существования»²⁶. Известная переводчица подала иск о плагиате. Согласно материалам дела, издательство ГИХЛ пригласило Ромова в качестве редактора текста Яковлевой, чтобы исправить недочеты текста. В результате роман впервые появился

И.Г. Эренбург

в журнале «Молодая гвардия» как «авторизованный перевод С. Ромова», сам же обвиняемый утверждал, что при сдаче книги в редакцию он указал себя в качестве редактора, а не переводчика, в свет же публикация появилась с другой формулировкой. Расследование запутанного дела экспертами закончилось не в пользу Ромова. Кроме того, они указывали на ряд неудачных мест в его варианте, находя его неудовлетворительным, он же в свою очередь называл таковым текст Яковлевой. В ходе разбирательства Ромов упомянул о том, что Мейерхольд крайне негативно отзывался о работе Яковлевой. А свое преимущество перед ней усматривал в том, что Мальро обратился с этой книгой именно к нему, он же из-за занятости передал заказ Яковлевой.

В любом случае перевод, вышедший под именем Ромова, по мнению Савкиной, «никак нельзя признать удачным, встречаются даже погрешности против русского языка»²⁷. По-видимому, Мейерхольд сравнивал имеющиеся тексты в поисках лучшего, но ни на одном из двух завершенных не остановился. Гладков позже вспоминал о его намерении сделать заказ Эренбургу²⁸, который уже перевел роман Мальро «Годы презрения», опубликованный в журнале «Знамя» за 1935 год (№ 8).

Если начало работы над инсценировкой можно условно датировать вероятной встречей Мейерхольда с Мальро в Париже или же объявлением о ней режиссера во время «чистки» в Гостиме, то сроки и обстоятельства ее завершения неясны. Газета «Правда» от 30 августа 1934 г. сообщала, что Эренбург «драматически переработал» роман для

ГосТИМа. Однако договор Эренбурга с ГосТИМом, равно как и следы работы писателя над инсценировкой или переводом романа, до сих пор в архивах не обнаружены.

О том, что Мейерхольд весной 1936 г. еще не отбросил мысль инсценировать роман, вновь свидетельствовал Гладков²⁹. То, что к этому времени ни кинематографические, ни театральные виды на «Удел человеческий» в СССР еще не были оставлены и, по-видимому, по-прежнему были связаны с участием Эренбурга, подтверждает его телеграмма 29 февраля 1936 года из Парижа в Москву:

*мальро выехал москву театральным кино делам приедет третьего предупредите эйзенштейна мейерхольда других встретьте вокзале шубой*³⁰.

Самим же Мальро как исключительно своеобразной личностью, персонажем с авантюрной биографией режиссер интересовался и позже: «В конце декабря 1937 года, в самый пик развернутой против Мейерхольда кампании, в период острых дискуссий между ним и актерами по поводу опубликованной в “Правде” статьи “Чужой театр”, в которой его театру выносился окончательный приговор, режиссер говорит о своем намерении написать вместе с Зинаидой Райх пьесу об Андре Мальро – “Инкубатор счастливых людей”»³¹. Проект «пьесы об Андре Мальро», по-видимому, отменял постановку «пьесы по роману Мальро».

Попробуем дать хотя бы общее представление о произведении, так и не нашедшем своего читателя в России. Название романа Мальро, отсылающее к «Мыслям» Паскаля, стало центральным понятием его творчества. «Таинство человеческого удела» неотступно занимало воображение писателя:

*В людях меня интересует удел человеческий: в великом человеке – природа его величия и те способы, какими он величия добился, в святом – характер его святости («Антимемуары»)*³².

По-видимому, роман «Удел человеческий» был призван воплотить его любимую мысль, которую он варьировал в разных своих сочинениях и выступлениях:

*Каждый из нас ощущает, что святой, мудрец, герой воплощает победу над уделом человеческим («Голоса безмолвия»)*³³.

В речи на присуждении ему Гонкуровской премии (7 декабря 1933 г.) Мальро сказал:

В своем романе я пытался дать несколько образов человеческого величия. Эти образы я разыскал среди китайских коммунистов, замученных палачами и брошенных в котлы с кипящей нефтью. Ради этих мертвецов я писал свой роман³⁴.

Действие романа Мальро начинается во время революции в Шанхае в 1927 г. После захвата города лидер Гоминьдана Чан-Кай-ши начинает уничтожение восставших, получившее название «шанхайской резни». В центре романа – судьба коммунистов, оказавшихся в безвыходной ситуации, и проблема экзистенциального выбора человека перед лицом смерти. В кратком изложении события многонаселенного повествования таковы.

Часть 1: 21 марта 1927

Готовясь к восстанию в Шанхае, группа под руководством китайского марксиста Кио и русского революционера, представителя Коминтерна Катова пытается добыть оружие. Инициативу берет на себя студент Чен. Его любимый профессор, Жизор, отец Кио, является «серым кардиналом» готовящегося выступления. Мудрец, проповедующий марксизм, и куритель опиума, он имеет огромное влияние на молодых революционеров. Чен – один из них. Он совершает первое в жизни убийство, зарезав спящего торговца оружием, чтобы завладеть документами на его находящийся в порту товар. Кио и Катов при поддержке сочувствующего подпольщикам барона Клапика забирают оружие с корабля.

Часть 2:

Уже на следующий день происходит восстание, в котором революционеры легко побеждают, благодаря поддержке населения.

Капиталист Ферраль, директор промышленной концессии в Китае, убеждает ее членов помочь генералу Чан-Кай-Ши, который готовит штурм города, чтобы присоединиться к восставшим. В союзе с генералом он видит единственное спасение своего дела.

Действительно, одержав победу при помощи иностранной концессии, Чан-Кай-Ши внезапно начинает преследование коммунистов, следуя своей договоренности с Ферралем.

Часть 3:

Кио выбирается из города, чтобы выйти на связь с Коминтерном для консультации о дальнейших действиях, но советские товарищи

С.М. Ромов

объявляют о невмешательстве Москвы в китайские события и предлагают отказаться от нового выступления. Он возвращается в растерянности, не зная, что предпринять.

В это время Чен, уверовавший в неизбежность терроризма, обдумывает убийство Чан-Кай-ши.

Часть 4:

В разгар репрессий барон Клапик узнает, что он и Кио разыскиваются полицией. Предупредив Кио, он назначает ему вечером встречу, чтобы вместе бежать.

Покушение Чена на генерала Чан-Кай-ши срывается. Он осознает, что его цель осуществима только в результате атаки смертника и идет на это, бросившись под колеса машины диктатора. Однако его жертва напрасна: бронированная машина, под колесами которой Чен гибнет, уезжает не поврежденной.

Часть 5:

Кио со своей женой Мэй пытаются найти барона Клапика, который не пришел на назначенное место. Они обнаруживают его в игорном доме, где он оказался, чтобы добыть денег, необходимых для отъезда. Однако охваченный азартом, Клапик забывает о цели своего прихода и планах бегства с Кио и Мэй, отмахиваясь от них.

А. Мальро и Б.Л. Пастернак в гостях у В.Э. Мейерхольда

На улице Кио хватает полиция. Узнав об этом от профессора Жизора, Клапик, охваченный раскаянием, пытается освободить Кио через дружески настроенного к барону шефа полиции.

К подпольной группе Катова присоединяется бельгиец Хеммельрих, желающий отомстить новым властям за жестокое убийство своей семьи. Однако вскоре Катова арестуют, Хеммельриху же удастся бежать.

Часть 6:

Группа революционеров заключена в тюрьму. У Кио и Катова при себе спрятаны капсулы с цианидом. Желая избежать предстоящих истязаний, Кио принимает яд. Катов же, видя страх и отчаяние молодых товарищей по камере, отдает им свою ампулу и бесстрашно встречает мучителей.

Пытаясь ходатайствовать за Кио перед шефом полиции, барон Клапик получает отказ и предупреждение, что его самого скоро схватят за посредничество в добыче оружия для повстанцев. Высокопоставленный приятель дает ему два дня на то, чтобы скрыться. Барон тайно отплывает в Европу.

Часть 7:

Потерявший свой бизнес в Китае Ферраль уезжает в Париж.

Спасшаяся Мэй едет в Японию к Жизору, отцу своего погибшего мужа. Художник Кама, у которого живет профессор, приглашен преподавать

в Москву. Мэй тоже хочет уехать в СССР, чтобы посвятить себя «службе». Жизор поддерживает ее в стремлении начать новую жизнь.

Различия в переводе названия романа на русский язык красноречивы и свидетельствуют о трактовке концепции сочинения, принятой в СССР. Приведем комментарий современного исследователя:

«Глубинную суть того, как понимает Андре Мальро окружающий его мир, выражает заглавие центрального его произведения 30-х годов – La Condition Humaine. Попытка расшифровать смысл заглавия советскими коллегами обнаруживала на всех этапах как раз непонимание этой глубинной сути. <...>

*По мнению всех рецензентов, “условия” легко могут быть изменены – достаточно одолеть классового врага. Для французского писателя “условия человеческого существования” не являются чем-то внешним по отношению к индивидууму – невозможность их изменить таится часто в самой природе человека. Именно поэтому правильное, конечно, перевод “Удел человеческий”: при таком варианте отчетливее фатальность сложившихся обстоятельств, которые, тем не менее, **необходимо менять**. В поведении личности, всегда имеющей надежду приблизить идеал, раскрываются те или иные контрастные черты. “Образы человеческого величия” – вот, что искал писатель в горниле революционного движения. Именно внутренние качества души интересуют писателя гораздо больше, чем “конечная цель”, на которую ему все время указывали рецензенты. Высота конечной цели зависит от душевных качеств, которые проявляются при приближении к ней. Если цель – революция, то камнем преткновения становится этика революционного действия. По этой линии и проходил водораздел между Андре Мальро и теми, кто встречал и пытался понять его героев в стране “победившей революции”»³⁵.*

Как мы понимаем, на пути у замысла Мейерхольда было немало препон. С одной стороны, – неизбежных идеологических: постоянно меняющаяся политическая конъюнктура со временем ставила под удар любое, казавшееся актуальным, начинание. Тем более опасным был тот заряд, который нес в себе роман о террористах. С другой – эстетических: любой роман трудно переносится на сцену, тем более, если речь идет о трехсотстраничном многофигурном повествовании, в котором фактически отсутствует главный герой. Монтажная драматургия романа с ее ориентацией на киноязык тоже не упрощала задачу:

при всей популярности этого приема в советском театре 1930-х гг., и особенно у Мейерхольда, он, обеспечивая показу событий динамику и сжатость, все же создавал проблему удержания единства спектакля. Признание Мальро Жану Вилару возможно, объясняет неуспех задуманного предприятия:

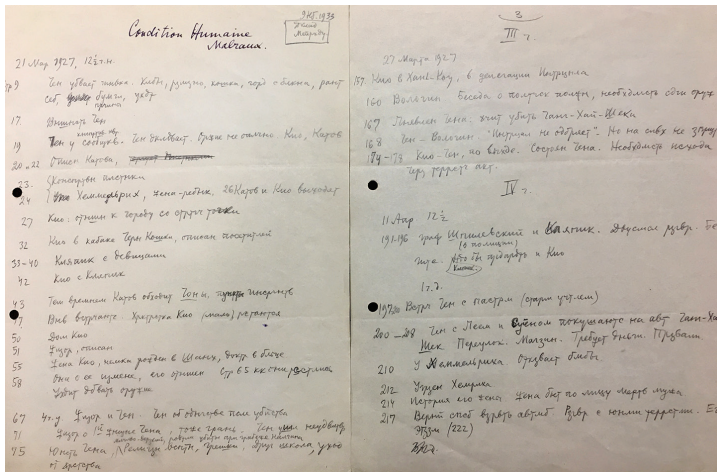
...Мне кажется, что очень сложно сделать пьесу из «Удела человеческого», я видел, как мучился Мейерхольд, чтобы этого добиться...³⁶.

Сам же сюжет, по крайней мере, до 1935 г., когда русский перевод романа был напечатан в журнале «Молодая гвардия», сомнений в политической его благонадежности, по-видимому, не вызывал.

Сложные перипетии судьбы романа Мальро в СССР почти не оставили по себе документальных источников, поскольку ни в архивах Мальро, ни в архивах Мейерхольда «(уже достаточно изученных) не нашлось никаких следов инсценировки. <...> Екатерина Александрова, секретарь Мейерхольда, занимавшаяся его архивами в 1935–1938 годы, <...> получила от Мейерхольда распоряжение “очистить” архивы от любых документов, касающихся троцкизма и вообще связей с иностранцами. <...> (Возможно и другое объяснение: документы могли изъять во время обыска в московской квартире Мейерхольда после его ареста в июне 1939 г.)»³⁷. При этом нужно принять во внимание признание, сделанное Мальро Вилару:

[Мейерхольд] сильно продвинулся в работе над инсценировкой. Я полагаю, что он ее почти завершил³⁸.

Едва ли не единственным документальным свидетельством того, что работа над инсценировкой романа была Мейерхольдом начата, стал документ, обнаруженный Наталией Савкиной в зарубежном архиве Сергея Прокофьева. Речь идет о синопсисе книги Мальро, выполненном композитором. Он датирован 9 ноября 1933-го и озаглавлен им как «Доклад Мейерхольду». Можно предположить, что за неимением перевода Мейерхольд предложил Прокофьеву, свободно владевшему французским, пересказать ему содержание романа, для чего композитор и составил этот краткий конспект по парижскому изданию «Галлимара» (слева колонкой он проставил номера соответствующих страниц издания)³⁹. Указанная дата могла быть днем, когда композитор записал

Рукопись «Доклада Мейерхольду» С.С. Прокофьева

синописис, или, что скорее, – днем, назначенным для «доклада» режиссеру. О дате же они должны были договориться в упомянутом телефонном разговоре, назначенном в письме Зинаиды Райх. В любом случае работа была проделана Прокофьевым стремительно: на конспект французского романа ему было отведено около недели тяжелейшего по обыкновению гастрольного графика в СССР.

По следам Пикон-Валлен, восстановившей историю многообещающего театрального проекта, связанного с инсценировкой романа Мальро, Савкина попыталась реконструировать обстоятельства, связанные с участием в нем Прокофьева. Однако в той ее части, которая относится к композитору, какие-либо факты, кроме упомянутой рукописи синописиса, изложенного Прокофьевым на шести тетрадных листках, отсутствуют. Поэтому на долю любого исследователя остаются лишь предположения, не имеющие под собой прочной основы. Основной вывод, сделанный Савкиной, сводится к следующему: «Неизвестно, как отнесся Прокофьев к замыслу Мейерхольда. Сам по себе роман “о смерти и отречении”, несмотря на всю свою завораживающую силу, едва ли мог привлечь композитора. Однако не забудем: он искал героический сюжет, а гений Мейерхольда всегда обещал неожиданное. Главное же – в романе безусловно есть мотивы, сюжетные и драматургические узлы, созвучные сущностным чертам творчества Прокофьева»⁴⁰. Последнее

утверждение кажется значительной натяжкой – ни один из мотивов романа (в том числе акцентированных в статье) не перекликается с теми сюжетами, которые до и после этого выбирал сам композитор.

На возможности музыкальной интерпретации романа отбрасывают косвенный свет материалы разработки его сценария Эйзенштейном. Конец декабря 1934 г. – начало января 1935 г. – период наиболее интенсивной работы Эйзенштейна над фильмом: первые наброски мизансцен были сделаны 20 декабря. В тексте сценария значительную роль играли моменты, связанные с соотношением изобразительного и звукового рядов. О сцене смерти Катова Эйзенштейн писал, что на основании ее можно написать «величайшую из когда-либо созданных фуг (*the greatest fuga ever made*)⁴¹».

Описание сцены ухода русского коммуниста на казнь сопровождается указанием на баховскую Высокую мессу *h-moll*:

*Так же «грубо», как басы sanctus (№ 20 Мессы Баха) сквозь все остальное полифонии. И: хромата переходит постепенно в марш на обе ноги*⁴².

Вяч. Вс. Иванов комментирует эти записи: «Весь фильм <...> был задуман в духе музыкальной композиции. Использование звука должно было выявить скрытую музыкальность всего фильма, сказывавшуюся в его монтажной структуре. Последние свои фильмы – начиная с “Бежина луга” – Эйзенштейн рассматривал прежде всего как реализацию замыслов звукозрительного монтажа. Сравнивая ранние теоретические высказывания Эйзенштейна с его историческими фильмами, можно увидеть, как много из этих замыслов ему удалось осуществить вместе с Прокофьевым. Это касается как эстетики звукозрительного контрапункта в ненатуралистическом (оперном, как сказали бы его противники) кино в целом, так и в отдельных его деталях, вплоть до технических»⁴³.

Словно бы случайно, хотя в действительности глубоко закономерно, в рассуждениях о работе Эйзенштейна над романом Мальро возникает имя Прокофьева.

Музыкальные идеи самого композитора остаются неясными, но обращает на себя внимание то, что в своем синопсисе романа везде, где это было возможно, Прокофьев указал время действия – не только числа, но и часы с минутами. Это, как представляется, характеризует одну из важнейших его задач, диктуемых сотрудничеством с Мейерхольдом в запланированной постановке. Неоднократно выражавшееся

Прокофьевым на страницах дневников неприятие замедленного темпоритма спектаклей мастера превратилось для композитора с его отточенным музыкантским восприятием времени в своего рода диагноз режиссерской манеры Мейерхольда. Время в восприятии Прокофьева становится едва ли не главным героем многофигурного повествования Мальро. Оно неумолимо продвигает действие романа, приобретая сходство с фатальным ходом сцены рулетки в прокофьевском «Игроке». Собственные комментарии Прокофьева к тексту пересказа – характеру описания героев, особенностям драматургии – скупы. Конспект скорее всего был предназначен для ориентации Мейерхольда в тексте романа. Черновой характер автографа проявляется, помимо сокращений слов, в том, что он выполнен карандашом – лишь французский заголовок романа на первой странице автографа написан черными чернилами. Некоторые выражения зачеркнуты.

Уникальный документ до сих пор не был опубликован полностью: в статье Савкиной приведены лишь две последних страницы (лл. 5 и 6 – конспект страниц 283–391 французского издания). Как поясняет исследовательница, «выбор двух заключительных разделов обусловлен причиной практического порядка: последние страницы – самые ясные, меньше всего подвергшиеся исправлениям»⁴⁴. Несколько слов не удалось разобрать и в представляемой нами впервые полной расшифровке рукописи.

[л. 1]

9 ноября 1933

Доклад Мейерхольду

Condition Humaine Malraux

21 Марта 1927, 12 1/2 часа ночи

Стр. 9	Чен убивает чиновника. [Нрзб.], размазано, кошка, город с балкона, ранит себя, [<i>уходит</i> – зачеркн.], бумаги, причины ухода
17	Внешность Чена
19	Чен у сообщников на конспиративной квартире. Чен докладывает. Оружие не оплачено. Кио, Катов

- 20 и 22 Описание Катова, [*торгует пластинками – зачеркн.*]
- 23 Конспиративные пластинки
- 24 [*Hemmelrich – зачеркн.*] Хеммельрих, жена – ребенок,
26 Катов и Кио выходят
- 27 Кио: отношение к городу со стратегической точки
- 32 Кио в кабаке Черной Кошки, описание посетителей
- 33–40 Кляпик с девицами
- 42 Кио с Кляпиком
- 43 Тем временем Катов обходит Чоны, пункты инсургентов
- 47 Вновь встречаются. Характеристика Кио (мало), расстаются
- 50 Дом Кио
- 51 Жизор, описание
- 55 Жена Кио, немка, рожденная в Шанхае, доктор в больнице
- 58 Они о ее измене, его отношении Стр 65
Уходит добывать оружие
- 67 4 часа утра. Жизор и Чен. Чен об одиночестве после убийства.
- 71 Жизор о 1-й женщине Чена, тоже грань. Чен ушел неудовлетворенный.
- 75 Юность Чена, молчаливо-дерзкий, родители убиты при грабеже. Религиозное воспитание, грешки, Друг, школа, уход от христианства
- [л. 2]
- 81 Жизор один, мудрость в опиуме. Легкость и примирение мысли.
- 4 1/2 часа утра
- 84 Взятие оружия
- II часть
- 11 часов утра
- 93 Ферраль.
- 95 Марсьяль готовится к защите. Влияние Ферралья.

- Разговор о директоре полиции
положении в городе
99 о Феррале
103 «[пропуск]»
105 Его автомобиль затирает паническая толпа. Начало восстания.

1 час дня

- 106–126 Восстание с точки зрения Чена

5 часов дня

- (126 Ферраль с представительством Чанг-Хай-Шек
(127 Но, чтобы не было историй с белыми женщинами, кроме русских, на известиях по телефону об успехе восстания
(133 Подкуп: 50 миллионов долларов

11 часов вечера

- 136 Ночь Феррала с Валери. Он переживает через выражение счастья на ее лице. Стр. 142. История с выключателем. Всё под выстрелы.

4 часа утра

- 143–152 Взятие блиндированного [бронированного от blindé, фр. – *М.Р.*] поезда. Приказ Интернационала сдать оружие.

[л. 3]

III часть

27 марта 1927

- 157 Кио в Хань-Коу, в делегации Интернационала
160 Вологин. Беседа о политическом положении, необходимость сдачи оружия
167 Появление Чена: хочет убить Чанг-Хай-Шека
168 Чен–Вологин: «Интернационал не одобряет». Но на словах не запрещает.
174–178 Кио–Чен, по выходе. Состояние Чена. Необходимость исхода через террористический акт.

IV часть

11 Апреля 12 1/2

191–196 граф Шпилевский и Кляпик (в полиции). Двусмысленный разговор. Бегите. Кляпик: Надо бы предупредить и Кио.

1 час дня

197–200 Встреча Чена с пастором (старым учителем)

200–208 Чен с Леем и Суёном покушаются на автомобиль Чан-Хай-Шека

Шек. Переулок. Магазин. Требуется деньги. [Прозевали]

210 У Хаммельриха. [Отказывает] бомбы.

212 Угрызения Хаммельриха.

214 История его жены. Жена бьет по лицу мертвого мужа.

217 Верный способ взорвать автомобиль. Разговор с юными террористами. Его энтузиазм (222)

[3 часа дня – зачеркн.]

[л. 4]

3 часа дня

222 Кляпик у Жизора, предупредить Кио. Разговор с представителем знаменитого художника Камо

228 Приход Кио, разговор о деньгах, чтобы Кляпик мог выехать. Назначаю rendezvous в Черной Кошке. Кляпик должен сведения, Кио деньги.

235–242 Положение сгущается. Кио и Май (жена), она пойдет за ним. Сцена из-за измены. Уходят, возвращаются. Уходят вместе.

3 1/2 часа дня

242–249 Разговор Хаммельриха с Катовым. Мученья Хаммельриха.

6 часов дня

249 Ферраль и подкуп. Фотография Чанг-Хай-Шека с пометкой.

Ферраль идет на свидание с Валерией. Финансовые трудности возрастают.

- 251 Оять о его эмоциях во время ночей с Валерией.
254 Сцена в ее отели. Скворец. Ее письмо. Англичанин. [*за-черкн.* – нрзб.]
259 Покупка птиц. О женщине, которую высекли. Почему он мог войти в комнату.
266 Его разговор с Жизором. Острота, так как сын последний в [нрзб.].
273 Берет куртизанку с нарочитой грубостью.

10 1/3 часа вечера

- 275–279 Чен взрывает автомобиль Чанг-Хай-Шек, который пуст, и гибнет.

[л. 5]

11 1/4 вечера

- 283 Кляпик играет в погоне за деньгами, выигрывает, проигрывает, забывает (пропускает) встречу с Кио, чем очень подводит его.
293 Кляпик и женщины, которые жалеют его как самоубийцу

11 1/2 часа вечера

- 296 Аресты коммунистов. Кио и Май идут на конспиративную квартиру
300 Арест

12 часов ночи

- 300 Хеммельрих бежит справляться о Чене. В его отсутствие бомба в его доме.
303 Горе его и радость свободы

1 час ночи

- 307 Кляпик у себя дома
309 Жизор спрашивает, не может ли он помочь по поводу ареста Кио.
315 Кляпик идет к Кёнигу. Тот груб и советует бежать. Разговор (до стр. 321) интересен как характеристика Кенига.

5 часов утра

- 321 Катов и Хеммельрих осажены в их доме. Разгром.
329 Как спасся Хеммельрих.

VI часть

10 часов утра

333 Кио в тюрьме. Сумасшедший кричит попугаем: как, как, как вы поживаете. Избивают. Кио 50 долларов.

[л. 6]

341 Кио у Кенига. Допрос.

4 часа дня.

346 Кляпик против парохода. Мечта попасть. В отчаянии идет бриться (бессознательная забота о внешности), видит матроса с метлами.

Попадает. Ферраль уезжает с тем же пароходом. Банк пошатнулся, нужна поддержка французского правительства.

6 часов вечера

353 Приговоренные коммунисты. Говорят, их бросают в печь.

Катов: надо привыкать и к этому, бывают, например, случаи на пожаре.

363 Кио отравляется цианистым калием.

366 Катов уступает яд юношам, которые трусят. Потеря, находка.

368 Катов храбро говорит прибывшему офицеру, что он отравил. Его уводят.

На другой день

370 Жизор и Май после смерти Кио

VII часть

Париж. Июль

375 Ферраль у министра финансов. Заседание с банкирами.

391 Результата заседания нет, но ясно, что поворот неблагоприятен.

Кобе

391 Май и Жизор в Японии. Закат (жизненный и философский) Жизора. О музыке, в которую он погружается вместе с опиумом. Май уезжает в Москву.

КОНЕЦ⁴⁵

Других свидетельств запланированного участия Прокофьева в постановке инсценировки романа Мальро Мейерхольдом не сохранилось. В какой мере синопсис Прокофьева должен был послужить основой для нее, остается неясным. Неизвестны также какие бы то ни было свидетельства непосредственного общения Прокофьева с Мальро в Париже или в Москве в 1934 и 1936 гг.

Ближайшей совместной работой Мейерхольда и Прокофьева, не завершенной режиссером, но в основном воплощенной композитором, стала постановка пушкинского «Бориса Годунова». О том, явилась ли она причиной отказа от инсценировки Мальро или причины лежали исключительно в политической области, судить сегодня не представляется возможным. В числе последних могли оказаться как встречи Мальро с опальным Троцким и членство писателя во французском Комитете содействия безопасности Л.Д. Троцкого, так и утрата интереса к сюжетам о «мировой революции», также отвечавшим троцкистской идеологии, к числу которых можно отнести историю нескольких дней китайского восстания 1927 г.

- ¹ Цит. по: 50 лет назад погиб Мейерхольд // *Театр*. 1990. № 1. С. 140.
- ² См.: *Эренбург Илья*. Андрэ Мальро // *Литературная газета*. 1933. 11 июня.
- ³ *Эренбург Илья*. Мальро премирован академией Гонкуров. Париж. 7 декабря (по телеграфу) // *Известия*. 1933. 8 дек.
- ⁴ См.: *Попов Вячеслав, Фрезинский Борис*. Илья Эренбург в 1932–1935 годы. Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников). Т. III. СПб.: Библиотека РАН, 2001. С. 99.
- ⁵ *Пикон-Валлен Б.* Мейерхольд – Мальро – Эйзенштейн. Нереализованные проекты // *Театр*. 2000. № 4. С. 143.
- ⁶ *Савкина Н.П.* Из истории неосуществленного замысла. Мальро, Мейерхольд, Эйзенштейн, Прокофьев // *Музыковедение*. 2011. № 2. С. 12.
- ⁷ З.Н. Райх – С.С. Прокофьеву. Письмо от 30 октября 1933. Автограф // SPA_105203. (Письмо датировано Райх дважды – в конце ошибочно: «30-I-1933»). Публикуется впервые. SPA – архив композитора в библиотеке Колумбийского университета (Serge Prokofiev Archive, Columbia University, New York).
- ⁸ См.: *Арзаканян М.Ц.* Андре Мальро и Советский Союз в 30-е годы XX века // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2012. Вып. 41. С. 284–295; *Балашова Т.В.* Герои-революционеры Андре

- Мальро на rendez-vous с русским читателем [Эл. ресурс] // Новые российские гуманитарные исследования. Дата создания 26.11.2012. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/269/>
- ⁹ *Мальро Андре*. Условия человеческого существования // *Интернациональная литература*. 1933. № 4. С. 38–43.
- ¹⁰ Там же. С. 38.
- ¹¹ См., например: Мальро Андре. «Человеческие условия». Отрывок из романа о гражданской войне в Китае. Перевод с французского языка Л. Ган. Машинопись с подписью переводчика. Крайние даты: 1930–е // РГАЛИ, ф. 620 (Редакция журнала «30 дней», Москва, 1925–1941), оп. 1, ед. хр. 414.
- ¹² *Мальро А.* Условия человеческого существования // *Знамя*. 1934. № 5. С. 111.
- ¹³ *Пикон-Валлен Б.* Указ. соч. С. 143.
- ¹⁴ Новые книги // *Литературный Ленинград*. 1934. № 32. 14 июля.
- ¹⁵ См.: *Ореховацкий Ю.И.* Из истории советско-французских литературных связей (Письма А. Мальро в издательство «Время») // *Русская литература*. 1979. № 1. С. 152–155.
- ¹⁶ *Эйзенштейн С.М.* Мемуары: в 2 т. / предисл., сост. и коммент. Н.И. Клеймана; подгот. текста: В.П. Коршунова и Н.И. Клейман; ред. В.В. Забродин. М.: Редакция газеты «Труд», Музей кино, 1997. Т. 1. С. 172–175.
- ¹⁷ См.: *Клейман Н.* Неосуществленные замыслы С. Эйзенштейна // *Искусство кино*. 1992. № 6. С. 16.
- ¹⁸ *Мальро А.* «Условия человеческого существования». Роман. Перевод с французского Н. Бернер-Яковлевой. Приложены письма Н. Бернер-Яковлевой И.К. Лупполу. 1934 // РГАЛИ, ф. 613 (Государственное издательство «Художественная литература»), оп. 1, ед. хр. 4558.
- ¹⁹ *Мальро А.* «Условия человеческого существования». Роман. Перевод с французского Н. Яковлевой. Предисловие П. Низон. Машинопись с правкой переводчика. Верстка с правкой редактора. 1936 // РГАЛИ, ф. 613 (Государственное издательство «Художественная литература»), оп. 1, ед. хр. 7012.
- ²⁰ *Мальро А.* Условия человеческого существования. Авториз. пер. С. Ромова // *Молодая гвардия*. 1935. № 4–8.
- ²¹ *Мальро А.* Удел человеческий. Пер. И. Кузнецовой // *Мальро А.* Зеркало лимба: сборник / пер. с фр.; сост. Е.П. Кушкин; авт. предисл. Л.Г. Андреев. М.: Прогресс, 1989. С. 47–64.
- ²² *Эренбург И.* Дай оглянуться... Письма 1908–1930 / Изд. подгот. Б. Фрезинским. М.: Аграф, 2004. С. 432.

- ²³ См.: М. Serge Romoff nous signale l'effort russe // *Comoedia*. – 1925. – 20 septembre.
- ²⁴ В.Э. Мейерхольд – С.М. Ромову. Письмо от 13 октября 1929. Автограф. Машинопись // РГАЛИ, ф. 1334 (А.Е. Крученых), оп. 1, ед. хр. 1233. Публикуется впервые.
- ²⁵ РГАЛИ, ф. 2590 (Гладков А.К.), оп. 1, ед. хр. 506.
- ²⁶ Конфликтное дело Н.Г. Бернер-Яковлевой и С.М. Ромова о переводе А. Мальро «Условия человеческого существования». 1935 // РГАЛИ, ф. 631 (СП СССР), оп. 21, ед. хр. 10.
- ²⁷ *Савкина Н.П.* Указ. соч. С. 12.
- ²⁸ *Гладков А.* Театр. Воспоминания и размышления. М.: Искусство, 1980. С. 18.
- ²⁹ См.: *Гладков А.* Указ. соч. С. 18.
- ³⁰ Цит. по: *Эренбург И.* На цоколе истории... Письма 1931–1967 / Ред.-сост. И. Фрезинский. М.: Аграф, 2004. С. 200.
- ³¹ *Пикон-Валлен Б.* Указ. соч. С. 148.
- ³² *Мальро А.* Зеркало лимба: сборник / пер. с фр.; сост. Е.П. Кушкин; авт. предисл. Л.Г. Андреев. М.: Прогресс, 1989. С. 168.
- ³³ Там же. С. 255.
- ³⁴ *Мальро А.* Условия человеческого существования // *Знамя*. 1934. № 5. С. 111.
- ³⁵ *Балашова Т.В.* Указ. соч.: URL.
- ³⁶ Цит. по: *Пикон-Валлен Б.* Указ. соч. 144.
- ³⁷ Там же. С. 145, 149.
- ³⁸ Там же. С. 144.
- ³⁹ См.: *Савкина Н.П.* Указ. соч. С. 15.
- ⁴⁰ Там же. С. 18–24.
- ⁴¹ «Москву я ненавижу, работать там – значит ввязываться в грязную клоаку». Письма Ф.М. Эрмлера С.М. Эйзенштейну. (Публикация, предисловие и комментарии В.В. Забродина) // *Киноведческие записки*. 2003. № 63. С. 130.
- ⁴² Цит. по: *Иванов Вяч.Вс.* Эстетика Эйзенштейна // *Иванов Вяч.Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. I. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 228.
- ⁴³ Там же. С. 230.
- ⁴⁴ *Савкина Н.П.* Указ. соч. С. 23.
- ⁴⁵ [Прокофьев С.С.] Доклад Мейерхольду. «Condition Humaine» Malraux. Автограф. 9 ноября 1933 // SPA_11317. Полностью публикуется впервые.